

вергают пустой мир, однако не как аскеты или мученики, а как выздоравливающие после попытки самоубийства².

Отвержение мира было общим для древних гностиков, и место аскетизму здесь тоже находилось. В конце концов, всякая доведённая до крайности религиозность приводит к отказу от материальности ради высшей духовности. В случае аскетических движений в церковном христианстве II в., таких как монтанизм, аскеза мыслилась как средство уйти от «дел плоти» и тем очиститься от скверны мира, лежащего во зле. Аскетизм гностиков объяснялся, скорее, чувством безразличия. Конечно, трудно требовать от такой религии, как раннее христианство, стоявшее, по выражению Ницше, ниже всякой культуры, последовательности и чёткости мысли, и, тем не менее, основным содержанием его аскезы был отказ от падшего мира, тогда как против грядущего просветленного мира церковные христиане ничего не имели. Более того, они как раз и мыслили себя как фрагмент грядущего мира, с которого просветление и очищение начинается. Совсем иначе ощущали себя гностики, у которых с этим миром не могло быть ничего общего ни при каких обстоятельствах. Телесность гностика — часть чуждого ему мира, так что ее незачем ни очищать, ни просветлять, ни даже избавлять от скверны вроде первородного греха. Аскеза гностика (а практиковали ее не все гностические группы) — это фи́га, показываемая миру. Дарреловские гностики заменяют аскезу неподчинением законам земного мира, стать его частью — значит впасть в забвение, вроде того, в которое впадает юноша из «Гимна жемчужине». Но если воспевавший жемчужину Фома считал это прискорбным, но не смертным сном, то дарреловские гностики видят здесь то, что Кьеркегор назвал бы болезнью к смерти. Подчиниться законам этого мира — значит решиться на самоубийство. Отречься от него — значит ступить на путь выздоровления.

Впрочем, источник дарреловских гностиков — вовсе не сочинения датского философа, а «Pistis Sophia». Филологи и историки знают, что этот текст дошёл до нас только в коптском переводе. Герои Даррела используют несохранившийся аутентичный текст. Автор находит остроумное решение: коль скоро письменный источник утрачен, можно найти оригинал «Pistis Sophia» в устном предании: в «Авиньонском квинтете» греческий текст на память читает слепец, до которого он дошел через многие поколения сказителей-предшественников. Впрочем, разбираться в головокружительных космогониях этого текста, как и в Брукианском кодексе, который протагонист также читал, Даррел не собирается. Он ограничивается простым изложением центрального момента:

Страшное раздвоение перевернуло рациональное устройство во вселенной... Тот, кто грубо вмешался в дела первого властителя, заняв его место, внес сумятицу в действие космического закона. С тех пор, как явился Черный Князь, всё переупорядочено, переосмыслено, переделано³.

² Даррел Л. Авиньонский квинтет: Месье, или Князь Тьмы... С. 16.

³ Там же. С. 130—131.

Гностическая космогония в общих чертах сводится к тому, что Первоначало, бескачественное и никак себя не проявляющее, переполняясь собственной полнотой бытия, произвело из себя ряд эонов, иерархия которых составляет *плерому*. Вся полнота бытия, собственно, и ограничивается плеромой, но в силу неправомерного устремления к Первоначалу последнего эона — Софии — часть плеромной субстанции оказывается выброшена за пределы плеромы, в пустоту — *кеному*. Заодно с самой Софией, порождающей того, кого древние гностики называли Иалдабаотом, а Даррел — Чёрным Князем или Месье. Это именование, как нам представляется, несёт отголосок важного для Даррела, но упоминаемого у него лишь вскользь лангедокского катарства, у которого больше общего с манихейством, чем с гностицизмом. Древний гностицизм, ещё не знакомый с ужасами главного орудия незаконнорожденного отпрыска Софии — института Церкви, — относился к Иалдабаоту хоть и с гадливостью, но не испытывая ужаса, который только и мог превратить его в склонном к мифологизированию сознании в Чёрного Князя.

Ситуация усугубляется тем, что, согласно воззрениям дарреловских гностиков, «князь-узурпатор разделался с первым властителем», что трактуется как «окончательная смерть бога»⁴. Поэтому адепты учения испытывают «неодолимое отчаяние». Действительно, есть от чего прийти в отчаяние: если Первоотец окончательно устранил со сцены, всё, что остается гностикам, — это разоблачение мистификаций, как выразился П. Слотердайт, ложного несчастного сознания. Древние гностики были уверены в том, что весь земной мир — это лишь жалкий балаган Иалдабаота, который даже не обладает бытием в настоящем смысле. С *плеромой* же, частицами которой являются души гностиков, ничего случиться не может. Это вселяло в них оптимизм; их взгляд на мир — не отчаяние, но спокойная уверенность в своей неуязвимости для князя мира сего (которую они, кстати, разделяли со всеми ранними христианами).

По правде говоря, этот момент у Даррела оставляет ощущение непродуманности. Древние гностики считали себя частью плеромы, а *плерома* хотя и подверглась трагическому разделению, не может быть уничтожена, поглощена пустотой. Точно так же не может произойти и сокрытия *плеромы*, пока ее полнота не восстановлена, т. е. пока последний гностик не вернется из *кеномы*. Конечно, несчастное сознание у *пневматиков* ещё более несчастно, чем у церковных *психиков*, но об абсолютном отчаянии здесь не может идти речи.

Древние гностики, несмотря ни на что, были христианами. Они рассматривали Христа как один из эонов, персонифицировавшийся и явившийся в земной мир, чтобы сообщить пневматикам техническое знание о спасении — гнозис. Распять эон — дело совершенно невысказанное, и недаром многие гностики рассказывали историю о том, как глупые люди задумали прибить его к кресту, но он обменялся телом с Симоном Киринаейным и только посмеивался, стоя в толпе зевак. Так или иначе, совершив

⁴ Там же. С. 131.

свою миссию, он вернулся в плерому, забрав с собой свою сизигическую невесту — Софию. Дарреловская схема может иметь лишь следующее объяснение: Христу не удалось ускользнуть от слуг Иалдабаота, он умер на кресте и не воскрес. Конечно, остается нерешенным вопрос о том, как можно убить бога, но ответ на него мы не получим.

Еще одна и куда более важная нестыковка связана с учением о Демиурге. Древние гностики утверждали, что божественная личность, иерархически организуемая всей совокупностью эонов, не причастна к творению. *Кеномный* мир не является ее замыслом и не несет в себе ни разумности, ни порядка. И то, и другое (в довольно жалком и убогом виде) задается Иалдабаотом, который есть, конечно, не творец, но устроитель дальнего мира, существующего лишь как иллюзорный отблеск мира *плеромного*. Дарреловские же гностики полагают, что мир каким-то образом сотворен Первым богом, но извращен Вторым. Опять-таки, здесь больше общего с катарским учением о Сатанаиле, нежели с египетским гностицизмом.

При этом Даррел рассматривает гностиков как изъятых из мира Иалдабаота, не только не подчиняющихся его законам, но по самой своей природе им неподвластных. Большинство людей — *гиллики*, плотские, двуногие животные, которым не приходится рассчитывать на какое-либо, хотя бы и относительное, спасение; церковные христиане — психики, душевные, для которых доступно спасение, если они обращаются к Иалдабаоту. Этот последний, впрочем, и сам, не будучи частью *плеромы*, исчезнет в момент апокатастасиса, как и все его несовершенные создания. Только *пневматики*, духовные, будучи частью *плеромы*, могут рассчитывать на возвращение домой (в этом, собственно, и состоит апокатастасис), причем, для этого им не требуется ни праведности в глазах Иалдабаота, ни аскетизма — ничего, кроме технического знания о том, как вернуться в *плерому*.

Кто эти люди? Они рождены и возрождены, в отличие от большинства. При встрече они узнают друг друга без слов. Они принадлежат головокружительному «ничто», выросшие из корня несогласия. Сокровенная суть их души стремится к луне небытия, их Бог — тот, кого больше нет⁵.

В гностической традиции Первоначало часто характеризуется как «ничто»: Валентин называет его «не сущий отец», а Василид замечает, что «он не из тех, кто существует». Первоначало — «ничто» не в негативном смысле, а в том отношении, что оно напрочь лишено каких бы то ни было качественных определенностей, а потому лишено смысла даже утверждение о том, что оно существует. По отношению к дальнему миру оно есть «ничто», и *пневматики* — часть этого «ничто».

Что же касается «луны небытия», то здесь Даррел задействует манихейский (но вполне согласующийся с гностицизмом) миф о том, что души умерших, будучи частицами светоносной субстанции, отправляются на луну, служащую им чем-то вроде транзитной базы; при накоплении

⁵ Даррел Л. Авиньонский квинтет: Месье, или Князь Тьмы... С. 132.

их в большом количестве (чем и объясняется полнолуние) они отправляются дальше, к вечному свету.

Но вот с «Богом, которого больше нет», все куда сложнее. Мы уже говорили об этом расхождении Даррела с гностической традицией. Если Бога (а речь ведь идет о Первоотце) больше нет, то и гностики смертны, и лучше всего им поскорее умереть, без всякой надежды на вечность. Эта смесь гностицизма и ницшеанства наводит на мысль о такой же непоследовательности, какая была присуща сирийским гностикам, не видевшим противоречия в сочетании монизма и дуализма. И тем не менее, это ошибочное впечатление: Даррел вполне последователен. Он сознательно настаивает на смерти Бога. Апокатастасис уже произошёл, но не так, как представлялось древним гностикам. В противостоянии ухитрился победить Иалдабаот. И для гностиков теперь нет никакой надежды вернуться в плерому. «Тщательный анализ ничто показал, что»⁶ Ничто действительно стало *ничем*.

Не высший Бог, а «дух пустоты и самоуничтожения» создал этот «чавкающий мир смерти и распада»⁷. Но в то же время, Даррел отходит от стройной системы валентинианства и пересказывает миф наассенов, в котором наряду с двумя мужскими началами существует женское, вернее, полу-женское и полу-змеиное. Это позволяет ему ввести фрейдистские коннотации. Кстати, едва ли не самым интересным в обращении Даррела к гностицизму является то обстоятельство, что гностические идеи объясняет через обращение к Фрейдю и Марксу. Самое простое этому объяснение, находящее себе подтверждение на протяжении всего «Авиньонского квинтета», — антииудаизм Даррела, общий у него с древними гностиками. Антииудаизм гностиков II—III вв. был чрезвычайно резким и выражался в отождествлении Ягве с Иалдабаотом. Для Даррела иудеохристианство (т. е. иудаизм и христианство как его разновидность) связано с превознесением всего самого низменного в человеческой культуре. Этот ницшеанский антииудаизм (как и у Ницше, не сопровождающийся антисемитизмом) проецируется на Маркса и Фрейда как мыслителей, в максимально четкой форме выразивших дух Ягве/Иалдабаота.

Главный демон — дух материи, во всеоружии выпрыгнувший из головы классического иудаизма, данниками которого являются все европейские религии. Князь — ростовщик, дух наживы, непостижимая власть капитала...⁸

Сам евангельский Христос, которого Даррел называет «протогностиком»⁹, выгнал торговцев из храма потому, что узрел среди них Князя мира сего — ухмыляющегося архонта, предвидящего его скорый конец и победу капитала. Этот Князь/Иалдабаот — не просто «дух злобы подне-

⁶ Даррел Л. Авиньонский квинтет: Qinx, или рассказ потрошителя / пер. Л. Володарской. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2007. С. 31.

⁷ Даррел Л. Авиньонский квинтет: Месье, или Князь Тьмы... С. 151.

⁸ Там же. С. 155.

⁹ Там же. С. 156.

бесный», но дух наживы. Зло имеет зримую и в высшей степени материальную природу. Недаром древние гностики считали главным злом материю и ее низменного создателя. Христос восставал против духа зла, и единственное, в чем упрекает его Даррел, так это в том, что он не оставил четкой системы, которая определила бы его как иудея-гностика.

Космогония, из которой явился его дух, это вам не четыре «м», характеризующие наше время, причем с величайшей точностью. Я имею в виду монотеизм, мессианство, моногамию и материализм. Сей простой тезис можно проиллюстрировать на любом уровне — будь то грандиозный анализ нашей цивилизации, сделанный Марксом, или основанный на детском любовном отношении к экскрементам анализ абсолютных ценностей Фрейда. Золото и экскременты — вот настоящая поэзия! Краеугольный камень культуры — еще одна «м», *merde*... У каждой эпохи своя метафизика, и у каждой — свой базовый термин, так сказать, своя изначальная основа. Обладание по Марксу и обладание по Фрейду. И тот, и другой использует экскременты — в качестве базового термина, на котором воздвигнуто здание нашей философии¹⁰.

Даррел дает фрейдистскую интерпретацию марксизма, хотя с тем же успехом можно было бы предложить марксистскую интерпретацию фрейдизма. Обе системы претендуют на тотальность, обе трактуют попытку уйти от них как сопротивление доктрине, попадающее в ведение самой доктрины. Но почему в конъюнкции «Фрейд и Маркс» первый термин получает привилегию?

Луи Альтюссер в середине 1960-х гг. сделал потрясающее открытие: между ранним Марксом и поздним существует эпистемологический разрыв, заключающийся в том, что первый был гуманистом, а второй — антигуманистом. Маркс, по Альтюссеру, первым провозгласил «смерть человека», отказавшись обращать внимание на индивидов и все свое внимание уделив надличностным образованиям — классам. Экономическая сверхдетерминация превратила индивида в один из винтиков капиталистической формации — царства Князя, по Даррелу. Поэтому марксистскому дискурсу не с руки говорить об индивиде.

Зато о нем с большой охотой говорит фрейдизм, в котором субститутом экономической сверхдетерминации и инвестиций капитала выступает сверхдетерминация сексуальная и либидозное инвестирование. От Даррела не укрылось это сходство двух популярнейших в XX веке дискурсов. Но общий знаменатель у них получается психоаналитическим — экскременты. Маркс в «Капитале» писал о золоте как о сияющем металле, добытом из-под земли и потому олицетворяющем для человека извлеченный из глубин свет. Фрейд такое же значение придает экскрементам, правда, сияния от них не исходит. При этом Фрейд — не меньший антигуманист, чем Маркс, но его антигуманизм разворачивается в пространстве, традиционно считавшемся вотчиной гуманизма. К тому же, если марксизм провидит в отдаленной перспективе ниспровержение власти капитала, то

¹⁰ Даррел Л. Авиноньонский квинтет: Месье, или Князь Тьмы... С. 156—157.

фрейдизм расставания с экскрементами не предполагает. В общем, если аналогия между фрейдизмом и марксизмом и правомерна, то куда большую ответственность за нее несет фрейдизм. И если марксизм несет в себе острую критику экскрементальной культуры, то фрейдизм выступает ее верным слугой. Возможно, именно в силу этого Даррел питает к психоанализу большее отвращение, нежели к марксизму.

И Маркс, и Фрейд — великие диагносты западной культуры. Но этим их роль не ограничивается. Несмотря на то, что и тот, и другой выступали с амбициями вселенского масштаба, марксизму повезло меньше: в вульгаризованной форме он стал идеологией репрессивных обществ и, несмотря на лучшие побуждения Маркса, стал вызывать опаску у значительной части общества. Фрейдизм так и не вышел из гетто (наверное, просто не было случая), а потому стал объектом насмешек и пародией на самого себя. Однако, обращаясь к индивиду и заключая его в эдиповы цепи, он не в меньшей мере несет идеологию Князя.

Дарреловские гностики, как и гностики древние, противопоставляют экскрементам мужское семя. Если верить христианским ересиологам, некоторые гностические общины практиковали поедание мужского семени (как, впрочем, и менструальных выделений), рассматривая его как светносную субстанцию. Противопоставление семени фрейдовскому превознесению экскрементов в свете вышесказанного можно рассматривать как освобождение желания, о котором так много и так хорошо писали в своем «Анти-Эдипе» Делез и Гваттари. Так что перенесение гностического бунта на современную культурную сцену можно признать удачным.

Самый спорный, на наш взгляд, момент дарреловского гностицизма — «гностическое самоубийство через изнурение и постоянное отрицание мира в теперешнем его виде» (с. 157). Дело в том, что традиция эта возникла не у древних гностиков, а у средневековых катаров, доктрина которых произошла через ряд посредствующих учений вроде павликианства и богомилства, от манихейства. Но дарреловские гностики широко практикуют такое самоумерщвление, правда, не морят себя голодом (они вообще не склонны отказывать себе в жизненных удобствах), а разыгрывают что-то вроде стивенсоновской схемы «Клуба самоубийц». Это совсем уж непохоже на древний гностицизм. Катары избирали самоубийственный пост или быстро липали себя жизни в затруднительных обстоятельствах (когда на пятки наступала инквизиция) или в религиозном порыве. Дарреловская секта одержима, скорее, каким-то стоическим настроением: уход из жизни для ее адептов — выражение презрения к этому миру и его ущербному творцу.

Самоубийство дарреловских гностиков — опасная игра с непредсказуемым исходом. Экзистенциальные переживания заставляют трепетать их и без того взвинченные нервы.

...Вселенная у гностиков далека от стабильности... Втискивать ее в некие модели и методы дело рискованное. Она не подходит для изобретения причинно-следственных связей, хотя некоторые мнят, что такое возможно. Стоит это осознать, иным становится восприятие смерти, оно делается все более глубоким, набирает силу, и тогда человек начинает *импровизировать*, перестает жить в соответствии с

заранее определенным планом. И это уже совсем другая жизнь, в высшей степени ненадежная, тревожная, беспокойная, но зато осиянная той истиной, которую ты даже не мечтал познать¹¹.

Ну, чем не клуб самоубийц? Дарреловским гностикам недостаточно открывшейся в древних текстах истины, они не довольствуются вестью о спасении (или, скорее, об окончательной гибели). Им подавай сильные эмоции. А самые сильные эмоции дадут угроза скорой смерти. Экзистенциалисты вроде Камю также много писали о подобных ситуациях, когда близость смерти позволяет жить «подлинной» жизнью. Герои экзистенциалистов так же, как и дарреловские гностики, не надеялись на спасение. Однако, как и гностики II—III вв., не затевали инфантильных игр.

Попытаемся подвести итог. Сознательно или нет, Даррел лишает гностицизм того, что составляло его силу, — рациональности и стройности системы. Конечно, гностицизм могли исповедовать сельские общины, которым было довольно одной лишь мифологии и которым не было дела до метафизических спекуляций. Однако влиятельным учением, к которому прислушивались интеллектуалы по всей Империи, гностицизм стал благодаря Валентину и Василиду — «Платону и Аристотелю гностицизма», выработавшим доктрины, успешно конкурировавшие не только с оригенизмом, но и с неоплатонизмом. Несмотря на эклектичность, эти религиозно-философские системы обладали целостностью, необходимой для непротиворечивого описания мира, в котором жили их создатели. Гностический метанарратив строился на продуманной спекуляции, а не на переживаниях «несчастливого сознания». Лишая гностицизм этого стержня, Даррел предлагает более «экзистенциалистский» его образ, но эклектичность растет, а стройность утрачивается. Парадоксальным образом выясняется, что поздняя античность со всей ее мистической хмурью и склонностью к мошенничеству была более рациональна, нежели наш пост-просвещенный век.

Но почему и, главное, ради чего Даррел пожертвовал рациональностью? На наш взгляд, его напрасно понимают как имморалиста. Его богемные замашки и циничные остроги не должны вводить нас в заблуждение: Даррел — моралист. Он ищет новые системы этики, отвергая старые, зиждущиеся на иудеохристианстве. И здесь он встречается с гностиками, которых раннехристианские авторы также ошибочно считали имморалистами. Гностическая «забота о себе» тесно связана с гностической «волей к знанию»: для древних гностиков знание было техникой личного спасения. Но обрести и то, и другое (а порознь они не даются) они рассчитывали на пути высшей морали, стоящей по ту сторону иудеохристианской «нравственности».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даррел, Л. Авиньонский квинтет: Месье, или Князь Тьмы / пер. Л. Володарской. — М. : Б.С.Г.-Пресс, 2004.
2. Даррел, Л. Авиньонский квинтет: Q̄inx, или рассказ потрошителя / пер. Л. Володарской. — М. : Б.С.Г.-Пресс, 2007.

¹¹ Даррел Л. Авиньонский квинтет: Месье, или Князь Тьмы... С. 184.